ТРОПАМИ ИСКУССТВА

ДЕНИС ГАРДАРИ

ЗАПИСКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО ХУДОЖНИКА

Денис Михайлович Гардари

Тропами искусства. Записки странствующего художника

Серия «Эксклюзивное мнение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63550595
Тропами искусства : Записки странствующего художника / Денис Гардари: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-122442-4

Аннотация

Смешные и грустные истории из жизни художников, перемежающиеся экскурсами в историю искусства и философскими рассуждениями о современном мире, удивительным образом «расшифровывают» культурные коды, лежащие в основе нашей реальности. Сложнейшие смыслы, накопленные искусством за долгие годы, в этой необычной книге как бы переведены на язык простого человеческого диалога.

Какова природа искусства, какое место «художественное» занимает в нашей жизни, что такое современность, что будет с искусством завтра и зачем живут творцы – ответы на эти вопросы можно поискать вместе с автором. Ведь путешествие «тропами искусства» доступно каждому, нужно только захотеть!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Хоть и художник 5
Ну и видок 16
Мельпомена 27
Внутренний голос, спорт и современное искусство 34
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Денис Гардари
Тропами искусства. Записки странствующего художника

Хоть и художник

Кто говорит, что машины времени не существует? Неправда. То, что недоступно современной передовой науке, вполне реализовано РЖД. Поезд Адлер – Барнаул, вот вам, пожалуйста, причем недорого.

Поехали мы с женой в Тюмень из Екатеринбурга, у нее выступление на чемпионате по аргентинскому танго, а я так, за компанию. Сели в поезд.

Пошли, говорю, в ресторан, кофе попьем. Пошли. Надо было пройти через четыре плацкартных вагона… Вот тогда-то я и начал подозревать, что технология путешествия в прошлое уже давно открыта РЖД – сразу вспомнились советские коммуналки (я, между прочим, успел пожить в такой). Кто в козла забивает, кто храпит, кто байки травит, а кто и курочку с яйцами смакует… Романтика-а-а.

Прошли «сквозь время», заходим в ресторан, официантка

со скорбным лицом: присаживайтесь. И подала меню.

Мы выбрали, я подзываю ее взглядом, в ответ отрицательно машет головой.

– Почему? – спрашиваю.

– А у меня рабочий день начинается только через полчаса.

В Тюмени уже, сидим на центральной аллее на летней веранде. Забегает мужик в костюме лошади, откидывает бутафорную голову и кричит:

– Пиво холодное есть?

– Есть, у нас даже сегодня спецпрограмма: две кружки берете, третья в подарок.

– Нет, – отвечает «лошадь», – по этой программе не пойдем, а то у вас пива не хватит, а меня из лошадей выгонят!

Я сижу рядом, рисую в блокноте, на столе бумажки смятые, руки испачканы графитом, морда тоже – люблю карандаш погрызть.

Один кед снял и поставил в него стакан с морсом, ветер сильный, а так не сдует. Говорю, значит, любителю пива:

– Слышь, лошадь, у тебя голова отпала.

Он так внимательно меня оглядел, посмотрел на странную композицию с кедом и отвечает:

– У тебя, судя по всему, тоже…

Выносят пиво. Он выпивает залпом, блаженно щурится, вытирает с губ пену и произносит:

– Эх, жить, как говорится, хорошо!

И смотрит на меня. Я – ожидаемо:

– А хорошо жить еще лучше.

– Ну, вот, наш человек, хоть и художник…

* * *

Отношение к художникам в России всегда было пограничным. Правда, если в начале XIX века эта пограничность скорее в минус (художники воспринимались не как творцы, а как необразованные ремесленники), то в конце позапрошлого века уже скорее в плюс. В советское время чаша весов опять качнулась в обратную сторону, и хотя огромная масса художников официально превратилась в рабочих-оформителей, «человек труда» в основном воспринимал их как бездельников.

Ну, ясное дело, чуваки, которые сидят по пыльным мастерским, малюют всякую фигню, бухают, заливая плохо пахнущими жидкостями внутренний диссонанс – ничего полезного для социалистического общежития сотворить не могут.

Хотя самих художников в то время больше беспокоило не отношение к ним со стороны социума, а сама атмосфера и условия творческого процесса. После объединения в середине тридцатых всей культурной общественности в государственные творческие союзы со свободой, новаторством и художническими экспериментами стало совсем грустно.

Все это вызывало глухое недовольство огромного количе-

ства людей. В очень разной форме: и в виде прямого протеста, и в виде внутренней эмиграции, и в виде упорного поиска иной альтернативной эстетики как способа открыть окно и проветрить удушливое пространство социальной реальности. Казалось, что если это сделать, то жизнь кардинально изменится. И как только спадут или ослабнут путы официальной нормативности, так сразу творческая энергия забьет ключом, вырвавшись на просторы свободного, ничем не ограниченного волеизъявления. История возникновения целого пласта советского неформального искусства связана именно с этим.

Вот, например, Кабаков. Илья Кабаков, наверное, самый известный советский нонконформист и, пожалуй, один из самых состоявшихся современных русских художников. Его имя знают и уважают во всем мире, отдавая дань силе его таланта, вне зависимости от согласия (или несогласия) с его творческим языком или гражданской позицией. Впрочем, для Кабакова, мне кажется, это вещи неразрывные.

Кабаков уехал из России уже в самом конце восьмидесятых, сейчас живет и работает в Нью-йорке, самом центре современного искусства современного мира. Но «растет» Илья Иосифович, конечно, из мира советского… Плоть от плоти его, со всеми его проблемами и «дискурсами». «Маленький человек», диктат системы, «социальная духота», неприятие предопределенности и страх неопределенности, эстетизация обыденного – все это очень понятные советские темы, но,

согласитесь, удивительным образом они актуальны и сейчас. В глобальном контексте.

Думая о Кабакове, я всегда вспоминаю одну его работу, называется она «Диван-картина». Она не очень популярна, даже картинки в интернете нет, но я вспоминаю именно ее. Вместо полотна холста – большая мягкая спинка дивана такого светло-серо-голубого цвета, а где-то в левой части, нарочито не посередине, в это «поле» вдавлена маленькая пластина с портретом человека. Казалось бы, фигня какая-то. Но, если вдуматься… Лично для меня это образ «вдавленности» нашего частного «я» в мир. Причем это вдавленность не непосредственно в бытие, а в такое мягкое и удобное, практически бесцветное пространство банальнообыденного, в тот наш «экзистенциальный» диван, на котором мы прячемся от реального мира.

Или Оскар Рабин, неформальный лидер Лионозовской группы, организатор Бульдо- зерной выставки, поэт «барачной истории». Как говорил сам Рабин, в его жизни было три «жизни»: до смерти Сталина в 1953-м, с 1953-го по 1978-й и с момента эмиграции – жизнь в Париже. Да, жизни – целых три, но художник в Рабине точно родом из второй. Если посмотреть ретроспективно на его картины, то очевидно, что с определенного момента язык Оскара Яковлевича практически не меняется. Немухин (один из лионозовцев) вспоминал, что однажды, приехав к Рабину, он услышал возглас: «Я нашел себя!» А после возгласа увидел на картине ни на что

не похожий «живой» барак, с глазами-окнами и собственной неповторимой «говорящей» историей.

И действительно – это особое умение Рабина: делать из натюрморта – пейзаж, из «окна» – историю, из истории – «взгляд». Вернее, не умение, а свойство… Ведь это не навык, а черта характера.

Моя личная история с этим мастером случилась в конце девяностых. Я тогда работал юристом у Леонида Некрасова (нашего уральского дельца-молодца, ныне Леня уже в мире ином… Впрочем, как и Рабин). Как-то раз в кабинете у него я увидел раскрытую папку с репродукциями. Стал разглядывать и залип на какой-то странной смеси угрюмости и надежды, ярких красок и матового поглощающего нечто (именно нечто, а не ничто). Через десять лет, на выставке Рабина в Третьяковке (первой персональной выставке художника в России), я снова словил эти чувства. Странным образом, окружающий контекст изменился (и у меня, и у Рабина), а ощущения от его картин – нет.

* * *

Урал тоже внес свою лепту в рождение изнанки советской творческой жизни.

Миша Шаевич Брусиловский, «пионер уральского неофициального искусства», родился в Киеве, но после окончания в Питере Репинского института уехал по распределению в

Свердловск, где и остался на всю жизнь. Хрестоматийна история попадания Брусиловского в мир искусства: после войны он был юным беспризорником и состоял в банде авторитета по кличке Кот. Как-то на день рождения Миша нарисовал Коту в подарок его портрет на клочке бумаги и, смущаясь, вручил главарю… А на следующий день место Брусиловского «на вокзале» занял другой пацан, а Мишу Кот отвез за свои деньги в училище для одаренных детей. Такие вот дела…

Брусиловский – талантливый живописец с превосходным чувством формы – мог легко взлететь на олимп советского художественного истеблишмента, но… Выбрал другой путь и после известной совместной с Мосиным картины 1964 года «1918» получил ярлык «формалист» и на долгое время был вычеркнут из художественного пространства Урала: Ельцин, будучи первым секретарем обкома, несколько раз активно высказывался по поводу «вражеской сущности» Брусиловского. Хотя в итоге это не помешало художнику получить всесоюзную известность и стать тем, кем он стал… А может, и помогло.

Помню, как-то, лет десять назад, когда я только делал свои первые шаги как художник, я где-то на выставке ляпнул: дескать, вот, мне уже столько лет, куда лезу и все такое… На что Миша Шаевич по-доброму посмотрел на меня и ответил: «Денис, в России художник в восемьдесят лет считается начинающим, поэтому у тебя все впереди».

Вообще, мне кажется, именно на взаимоотношении с этим экзистенциальным «все впереди» во многом и строилась художественная реальность того времени. На вере и неверии, борьбе за и смирении с, на надеждах, ожиданиях или просто мечтах. Касалось это не только неофициального искусства, но и вполне себе официального тоже.

Вот, например, один из столпов советской живописи, создатель нетленного образа «счастливого советского человека» – Александр Александрович Дейнека.

Он начинал свою творческую карьеру фотографом в уголовном розыске, потом занимался оформлением революционных спектаклей и агитпоездов, закончил ВХУТЕМАС, где учился у самого Фаворского. Оттуда он вынес свой принцип: «Композиция – это очищение сюжета от всего лишнего».

Дейнека, судя по всему, искренне верил в советский строй, был уверен в счастье всех этих спортивных мужчин и женщин, бегающих в эстафетах, спускающихся в шахты, тянущих доверху груженные телеги, строящих самолеты и летающих на них. У меня ощущение от его работ, как от хорошей советской фантастики (помните, была такая книга Беляева 1936 года «Звезда КЭЦ»? – вот в таком духе) – светлая радость и какое-то детское ощущение великого и непременно счастливого будущего. И пофиг, что это неправда…

Именно Дейнеку Матисс назвал самым талантливым из советских художников и «ушедшим далеко вперед в своем художественном развитии». Он был ярким индивидуа-

листом и лидером, настоящим советским художником и одновременно экспериментатором – из-за чего потерял после войны должность главы Московского института декоративного и прикладного искусства. Любил успех, славу, силу и… моду. И так же, как и нонконформисты, выстраивал свои взаимоотношения с «все впереди».

Однако в реальности все оказалось не так просто.

В июле 1988 года в Москве произошло событие, которое принято считать своеобразным концом истории неофициального, да и вообще всего советского искусства. Международный аукцион «Сотбис» в «Совинцентре», согласованный в самых «верхах».

Впервые на продажу легитимно было выставлено более сотни произведений первого русского авангарда и работ официальных и неофициальных советских художников. Что примечательно: самой дорогой работой стала картина молодого Гриши Брускина «Фундаментальный лексикон» – продана за четыреста тринадцать тысяч долларов; а картина Ильи Глазунова (Грозный) – едва за пятьдесят тысяч.

Хоть и условно, но все же этот памятный аукцион действительно, можно сказать, завершил советский период и положил начало истории современного российского искусства. После аукциона ландшафт нашего отечественного искусства радикально изменился.

Во-первых, исчезла сама подоплека деления искусства на официальное и неофициальное (что повлияло на художни-

ков очень сильно и часто совсем не так, как они рассчитывали). Во-вторых, наше арт-пространство на какое-то время практически «опустело», так сказать, расчистилось. Одни художники (на волне коммерческого и социального интереса мирового сообщества к процессам перестройки в СССР) уехали из страны, а другие замолчали… Потому что оказалось, что в условиях отсутствия запрета им просто нечего сказать!

Девяностые и двухтысячные – это уже совсем другая история, другие имена, другой «пафос высказываний» и, конечно, совсем другой контекст. На смену «диктатуре власти» пришла «диктатура денег», и это оказалось испытанием как бы не пострашнее «партизанских идеологических войн». Художники с удивлением обнаружили, что если диктат советского чиновника их возмущал и озлоблял, то «пресс» наживы и нового мещанства просто убил во многих из них само творческое зерно. Впрочем, повторюсь, это уже совсем другая история, и речь о ней надо вести не на языке «прошлого», а на языке «будущего».

* * *

Я по старой памяти являюсь участником нескольких бизнес-сообществ. И мне, бывает, звонят всякие менеджеры с вопросами и предложениями. Есть вполне адекватные, подготовившиеся к разговору товарищи. А есть и такие персо-

нажи, что только диву даешься… Причем задают они одни и те же тупые вопросы (ну зайди ты, посмотри хоть какую-то информацию обо мне, прежде чем звонить… Чтобы не выглядеть идиотом).

Так вот. Позвонила одна такая дама и спросила, чем я занимаюсь. Сказал – художник. Ответила: «Хм… Значит, ничем особо не занимаетесь… Да-а-а… А поучиться-то бизнесу не хотите? Это ведь для вас все-таки какое-никакое развитие будет…»

Я себя почувствовал, как Шемякин на собеседовании в КГБ перед высылкой из СССР… Или Бродский на судилище за тунеядство… Приятно, конечно, в такой-то компании, что тут сказать… Самооценка сразу (как у настоящего жалкого русского интеллигента) взлетела до небес… На волне жалостливого и слегка укоризненного (а самое главное, искреннего) презрения «делового человека». Вот, думаю, сейчас голос в трубке наберет силу и еще увереннее произнесет: «Хоботов – это мелко!»

Оно-то, конечно, да, «гравировать имена победителей – работа, требующая самоотречения». А, впрочем, чего я придираюсь? Это, наверное, говорю не я, а мой вакуум – ведь «какое-никакое развитие» никому не помешает, даже такому бесполезному персонажу, как художник.

Ну и видок

Гуляю я, значит, по Пушкинскому музею, по выставке LOUIS VUITTON. Наслаждаюсь проникновением современного буржуинского искусства в души соотечественников. Вдруг подходит ко мне женщина и говорит: «Здравствуйте, Денис! А можно с вами сфотографироваться? Я ваша читательница, очень внимательно читаю все, что вы пишете». Тут подходит еще одна и тоже говорит, что читает… И еще кучу лестных слов. Признаться, приятно это, чего уж тут…

Я краем глаза вижу: смотрительница подозрительно поглядывает и так громким шепотом – дескать, что за перец? Артист, что ли? Мои читательницы возмущенно: «Какой артист, вы что! Это известный искусствовед!» – «А-а, искусствовед… Ну, это лучше, чем артист», – изрекает служительница музея. А потом строго так спрашивает: «Вы, судя по всему, товарищ серьезный. Как относитесь к современному искусству?» Хорошо, говорю, отношусь. «Вот, сразу видно, умный человек, не то что некоторые тут…» – и уходит.

Я, распираемый чувством собственной важности, с гордо поднятой головой выхожу на центральную лестницу. Неожиданно подбегает мальчик лет семи и громко кричит: «Мама, смотри, я узнал этого дядю, он тут самый главный!» Ну, думаю, вот она, слава. Даже дети признают твое величие – шепчет в экстазе мой воспаленный гордыней мозг. «Почему

главный, Сашенька?» – спрашивает мальчика мама. «Потому что у него самая желтая рубашка! У нас во дворе дяденьки таджики говорят, что у кого жилет желтее, тот и главный. А у этого целая рубашка. С кампюшоной. И ботинки тоже. Значит, он главнее!»

Все. Занавес. Артист, ё-моё… С кампюшоной.

Под гнетом разрушенных сладостных грез решил сходить поесть. Нашел поблизости ресторан, сажусь на летней веранде у входа. Смотрю: место-то пафосное, много машин с мигалками, куча мужиков в строгих костюмах с портфелями… Видимо, любимый пищеблок московского чиновничества. И я… В желтых замшевых ботинках с бирюзовыми шнурками и желтой рубахе «с кампюшоной». Ну, думаю, ладно, этим-то прожженным циникам всякие глупости о «цветовой стратификации» явно в голову не придут.

И тут… Подходит один в костюме и спрашивает:

– Молодой человек, извините великодушно, а где вы шили ваши желтые ботинки, ведь они явно ручной работы?

* * *

Продолжение истории о цветовой стратификации случилось на следующий день, уже в Питере – прилетел из Москвы, чтобы на коллекцию Морозова посмотреть. Утром пошел в первый попавшийся торговый центр и купил себе шарф, бело-голубой – ну, холодно, блин, в Питере, одинна-

дцать градусов.

Иду по Эрмитажу. Никого не трогаю. Подходит мужик и спрашивает:

– Мужчина, скажите честно, вы в балете танцевали?

– Ну да, – говорю.

Он оборачивается и куда-то назад, типа шепотом:

– Лена, я ж тебе говорил, балерун, а ты – пи***ас, пи***ас.

Во, думаю, нормальная такая карьера, стремительная, от артиста до агента радужных сил.

Иду дальше, сокрушаюсь о человеческом невежестве, неспособном отличить «физику от лирики». Параллельно удивляюсь слабому уровню морозовской выставки (особенно по сравнению с московской экспозицией в Пушке). А времени уже много, без пятнадцати шесть, скоро закрытие. В последние залы уже никого не пускают, только группы с иностранцами, французская делегация какая-то приехала. Иду, задумавшись о бренности бытия. Смотрю, этого мужика с Леной смотрительница тормознула, типа все, колхоз закрывается. И тут она поворачивается ко мне и на высоком французском говорит: «Сильвупле, мусье, сильвупле». Дескать, милости просим, дорохие гости. Очевидно же, что этот перец кудрявый в бело-голубом шарфе ну точно француз.

Я мстительно оглянулся на соотечественников, сквозь губу произнес единственное, что я помню по-французски (фразу Предводителя дворянства из «Двенадцати стульев»):

«Же не манж па сис жюр». И гордо отправился досматривать экспозицию в составе группы наших западноевропейских партнеров.

* * *

А посмотреть очень даже стоило. Благодаря музейному проекту «Щукин&Морозов», организованному сразу в двух столицах – Москве и Питере – Пушкинским музеем и Эрмитажем, мне удалось оценить истинный масштаб не только собраний наших известных коллекционеров, но и значение их личностей.

Сергей Щукин – человек, собравший самую большую коллекцию нового европейского искусства начала века. За двадцать лет он приобрел двести пятьдесят шесть картин!

Успешный предприниматель, текстильный король, получил «партийную» кличку дикобраз за жесткий деловой характер и своеобразные усы. Он начал собирать свою коллекцию в конце XIX века: сначала импрессионисты, затем постимпрессионисты, в основном Гоген, а затем…

В 1906 году началась полоса несчастий. Знаете, говорят: Щукин «спас» новое искусство. Я бы сказал, что и искусство спасло Сергея Ивановича.

Умер один его сын, потом жена, потом второй сын. Щукин сначала решил удариться в отшельничество, но потом передумал. «Мое место в миру и в искусстве», – сказал он

и уехал в Париж. Там – эпохальное знакомство с Матиссом, а затем и с Пикассо. И еще одна важная встреча с Лео Стайном (братом знаменитой Гертруды). Лео, великолепный эрудит и, пожалуй, лучший знаток нового искусства того времени, очень много дал Щукину как специалист.

В итоге Сергей Иванович постепенно купил тридцать семь Матиссов и более пятидесяти Пикассо, протоптав для этих друзей-соперников дорогу в мир больших денег.

Когда в 1910 году Щукин приедет в Париж за «Танцем» Матисса, он испугается: слишком провокационно, да и реакция публики негативная. И уедет. Но он умел признавать ошибки. Два дня мучительных раздумий в поезде, и – как итог – покаянное письмо художнику: «Сударь, в дороге я много размышлял и устыдился своей слабости и недостатка смелости. Нельзя уходить с поля боя, не попытавшись сражаться. По этой причине я решил выставить Ваши панно. Будут кричать, смеяться, но поскольку, по моему убеждению, Ваш путь верен, может быть, время сделается моим союзником, и в конце концов я одержу победу…»

Надо понимать одну важную вещь: Щукин – не просто коллекционер, это человек, который оказал глобальное влияние на главный русский бренд – авангард.

Его коллекция с 1909 года была открыта для посетителей, и самыми главными «смотрящими» стали молодые русские художники, которые вскоре «взорвут» мир искусства: Малевич, Клюн, Розанова, Удальцова, Ларионов и т. д. И кто зна-

ет, что было бы с нашим авангардом, если бы эти «бойцы» не напитались тогда щукинскими сокровищами?

Самому Щукину было очень непросто, ведь по тем временам все его покупки были, мягко говоря, спорными. Он вспоминал: «Я вставал по ночам и часами со свечкой простаивал перед ними. Стоял и плакал. Как купец – горькими слезами, ведь отдал кучу денег непонятно за что. А как Человек – счастливыми слезами, ведь эти картины не только будущее искусства, во что я искренне верил, но и свидетельство моей победы над слепой случайностью судьбы».

* * *

Удивительное дело, но во взаимоотношении двух таких важных в человеческой жизни сфер, как искусство и бизнес, столько глупостей, непонимания и противоречий, что иногда кажется, будто между ними нет ничего общего. Но это самое «кажется» – глубоко ошибочно. Искусство и бизнес нужны друг другу… Как никто… Как никогда.

Должен признаться, что мой главный интерес в плане истории – это периоды глобальных культурных трансформаций. А значит, и люди, которые своей энергией, умом и ресурсами позволили этим трансформациям случиться и открыть миру новые грани реальности и новые имена. Когда я в этом ключе думаю о взаимодействии искусства и бизнеса, мне на ум всегда приходит Россия начала XX века.

Если бы не усилия и поразительное культурное чутье таких людей, как тот же Щукин, Павел Третьяков, Иван Морозов, Савва Мамонтов, Козьма Солдатенков, – кто знает, что было бы с Пикассо, Матиссом, Сезанном, Ларионовым, Бакстом, Серовым, Врубелем… И в каком мире мы бы жили сейчас?!

Тот же Дягилев – своими Русскими Сезонами не только перевернул представление мирового сообщества о русском искусстве, но и вообще, можно сказать, создал весь современный балет. «Птенцы гнезда Дягилева» после его смерти, «разлетевшись» по всему миру, возглавили чуть ли не все ведущие балетные институции Европы и Америки того времени! А художественные приемы и принципы, придуманные им, легли в основу американского кинематографа и мирового шоу-бизнеса.

Значит, есть оно, это взаимодействие. И примеры есть, и плоды его очевидны.

Так, может, просто время сейчас другое? Может, все поменялось: и принципы, и условия, и приоритеты? Может быть. Но мне кажется, дело тут не в этом. Да и время, как известно, всегда «другое». Я думаю, остро не хватает понимания и уважения… С обеих сторон – как со стороны предпринимателей, так и со стороны художников.

Представление о том, что искусство – это удобное хранилище красивостей, дизайнерская надстройка над «настоящей жизнью» – катастрофическое заблуждение. Ну, знаете,

дескать, здорово, конечно, это ваше искусство… Наверное, важная штука, но в моей реальной повседневной жизни, со всеми ее задачами и проблемами, никакой роли не играет.

Распространенный взгляд? Весьма. Но ведь это взгляд не дальше своего носа.

Если немного напрячь извилины и подумать, то мы увидим, что искусство бизнесменам нужно чуть ли не больше, чем самим художникам. И как область интереса, и как инструмент творческого развития, и как источник идей, и как предвестник будущего, и как статусный маркер.

Дело даже не во вхождении в какие-то там элитарные круги, а просто в логике самой реальности и специфике задач бизнеса. Предприниматели порождают идеи, ищут пользу, создают системы и формируют выгоды. Для всего этого им необходимо очень хорошо понимать, в каком мире они живут, как он устроен и что лежит в его основе.

Мы, современные люди, живем не столько в так называемой реальности, сколько в мире культуры – в пространстве созданных человеком вещей, идей, форм, образов и понятий, в глобальном поле «воображаемого». Мы тотально погружены в культуру вне зависимости от уровня нашего образования, рода деятельности, возраста и социального статуса. Именно в этом пространстве формируется наше мировоззрение, развертываясь затем в деятельности и материализуясь в плодах и результатах.

А искусство – это своеобразный геном человеческой куль-

туры. Это ключ, обеспечивающий, как говорят программисты, доступ пользователя к непроявленным смыслам и скрытым функциям системы.

Когда Эйнштейну нужны были неожиданные решения и правильные выводы, он садился играть на скрипке или шел в театр. Когда австрийскому магнату Ледереру требовались новые идеи, он шел в мастерскую к своему другу Густаву Климту и часами наблюдал за его работой (ну и за обнаженными натурщицами, конечно).

А зачем художникам предприниматели?

Понятно, зачем, скажете вы – чтобы деньги платили. Трудно спорить…

Но ведь это только часть пазла. Ограничиваясь этим мотивом во взаимодействии с бизнесом, художники очень многое теряют. Вращаясь в кругах и предпринимателей, и художников, я обратил внимание на один факт: художники в большинстве случаев занимают по отношению к деловым людям либо позицию заискивающей зависимости, либо позицию культурного снобизма. А это путь в никуда!

На самом деле у предпринимателей можно очень многому научиться, а в сотрудничестве с ними выйти на совершенно иной уровень творческой реализации. Но для этого нужно как минимум проявить уважение. Уважение к людям, которые способны на то, на что не способен ты сам.

Я это все к тому, что сегодня, в нашем противоречивом и стремительно меняющемся мире, художники и предприни-

матели нужны друг другу как воздух. И для такого плодотворного союза нам всем катастрофически не хватает двух вещей: понимания и уважения.

Я уверен, что очень важно понимать ключевые смыслы своей собственной жизни и происходящего вокруг. А смысл – это не набор умных слов в определении, это понимание, что делать и зачем. Если ты не понимаешь зачем, то делать что-то будешь только из-под палки. Или вообще не будешь.

Я уверен, что очень важно проявлять уважение. Если у тебя нет уважения к про- тивоположной стороне диалога, то никакого сотрудничества не получится. Потому что отсутствие уважения на сознательном уровне порождает скепсис, а на подсознательном уровне блокирует восприятие нового. Не хочу, чтобы транслируемая мной мысль ценности искусства для современного человека выглядела как «местечковое, придыхательное» возвеличивание того, чем занимаюсь я сам. Именно поэтому всегда стараюсь посмотреть на проблему с разных сторон и найти удачные варианты решения в истории.

Как я уже говорил, в нашей российской истории есть примеры удивительного проявления принципов понимания-уважения, приведших к выдающимся результатам. Феномен Третьякова, Тенишевой, Мамонтова, Щукина, Некрасова показывает, что этот путь не только возможен, но и исторически оправдан. Сегодняшний день во многом напоминает бурные времена начала прошлого столетия, и тем важ-

нее параллели, которые мы пытаемся провести через года, и события сложного, но такого притягательного XX века.

Возможно, там и тогда скрыто то, что очень нужно нам здесь и сейчас?

Мельпомена

На следующий день после наслаждения Эрмитажем решил сходить в театр. Залез в интернет, спрашиваю у него, дескать, чудо-машина, что можно сегодня хорошего в Питере посмотреть? И что мне выдал сервис на основе моих предпочтений на первом месте? Правильно, «Мизантроп»!

Подъехал к театру Комиссаржевской, времени много, сел напротив на веранде. Подходит официант.

– Коньяк есть, милейший?

– Есть.

– А какой?

– Для вас «Хеннесси».

– Почему для меня именно «Хеннесси»?

Улыбается:

– Вы себя в зеркало видели?

– Хм… Несите.

Приносит бокал. Я ему говорю:

– Молодой человек, вы не могли бы со мной рядышком постоять?

Смотрю, он напрягся. Ну, правильно, мужик-то в шарфике бело-голубом, кто его знает.

– Да ладно, не напрягайтесь, мне просто солнце в глаза. А вы удачно так его загораживаете.

Он ухмыльнулся и пробурчал:

– Надо было вам «Арарат» налить…

Я посидел. Выпил свой «Неарарат» и пошел в театр. Подхожу к контролю билетов, милая женщина с терминалом мне и говорит:

– Господин Гардари?

– Он самый.

– Добро пожаловать! Должна вам признаться, что мы тут, в культурной столице, вас очень даже читаем. Следим, так сказать, за современной искусствоведческой мыслью.

– Благодарствую, – отвечаю я, проникнувшись стилистикой момента. – Приятно. Весьма. А не соблаговолит ли уважаемая служительница Мельпомены…

– Соблаговолит, – понимающе улыбается она и величаво показывает взглядом на угловой коридор. – Там вы отыщете все, что вам нужно.

Совсем уж все, что мне нужно, я там, конечно, не нашел. Мне много чего нужно. Но в данный момент…

Спектакль посмотрел. Некоторая гротесковая нарочитость игры сначала показалась мне неуместной в начале XXI века. Но потом, пообщавшись со служителями сцены, я изменил свое мнение.

В отличие от других героев, которые хотя бы просто живут, Альцест не живет, а «играет» так же, как и любовники маркизы. Но если их (маркизов) игра – это комедия, то его игра – это трагедия. Не в смысле значимости «личной драмы», а в смысле скрытой, но от этого не менее чудовищ-

ной бесплодности данного потенциала. Как говорится, кому многое дано, с того и спрос другой. Ум – это еще не все. Ведь умение слушать, слышать, менять свою точку зрения и действовать – не менее важно, чем интеллект.

«Мизантроп», как ни странно, очень актуален в нашем сегодняшнем мире – мире аватарок, соцсетей, тотальной уверенности в своей картине мира и неумения разговаривать.

Про Нильса Бора, великого физика, Нобелевского лауреата, есть такая байка. На входной двери дома Бора висела подкова. Его спросили, почему она там висит, разве он верит во все эти штуки со счастьем, знаками удачи и защитными символами? Бор ответил, что, конечно, нет, ведь он ученый, физик и верит в факты, цифры и эмпирические данные. Но тогда почему? «Потому, – заметил Бор, – что мне сказали, что эта вещь защищает вас и ваш дом вне зависимости от того, верите вы в это или нет».

Удивительный ответ удивительного человека, демонстрирующий и силу разума, и его смирение перед лицом великой сложности мира. Я услышал эту байку в диспуте Славоя Жижека и Джордана Питерсона на тему счастья. Для меня этот диалог – пример того, как могут продуктивно, интеллигентно и ценностно обоснованно общаться люди очень разных взглядов. Согласитесь, в нашей жизни это очень редко встречается, достаточно посмотреть любые политические диспуты или даже обычные бытовые споры.

Я же подумал о том, что на самом деле это очень непро-

стой навык – быть уверенным в своей правоте, иметь смелость отстаивать свои взгляды и убеждения и одновременно уважать «иное»… И быть готовым отказаться от своей позиции, если она получит достаточно убедительную контраргументацию. Это по-настоящему мужественное поведение мудрого человека не зацикливаться на своей точке зрения только потому, что она твоя. Ведь истинная сила позиции заключается не в том, что она твоя, а в ее причинах и основаниях. А их можно оспаривать.

* * *

После спектакля стою в фойе, подходит девушка:

– Здравствуйте, Денис! А я думала, вы не такой.

– Хм… а какой?

– Ну, маленький такой, щуплый… А вы как на картинке.

– Это плохо?

– Да нет, наоборот. Просто уже как-то привыкла к тому, что люди в жизни совсем не такие, какими представляют себя в соцсетях.

– Так и я не такой.

– По крайней мере, внешне вполне себе такой. А вам спектакль понравился?

– Да.

– Мне тоже. Но я прочитала кучу негативных отзывов от театралов и подумала, что, наверное, что-то не понимаю.

Или вы думаете, что я все-таки имею право на свою точку зрения?

– Имеете.

– И она столь же ценна, сколь и точка зрения профессора-искусствоведа?

– Смотря для кого. Для вас – возможно. Для других – нет.

– Почему?

– Потому что вы не профессор-искусствовед.

– Но ведь ученая степень или звание – еще не гарантия ума и правоты.

– Не гарантия. Но людям нужно на что-то ориентироваться. На авторитет и статус ориентироваться проще, чем на аргументы. Тем более, что вас никто не заставляет соглашаться. Громкое мнение с авторитетом, но без аргументов – снобизм; с аргументами, но без авторитета – холостой выстрел.

– А громкое мнение без авторитета и без аргументов?

– Пижонство.

* * *

Вышел из театра, решил пройтись. Иду мимо Гостиного двора, слышу: музыка играет. Дай, думаю, зайду. Захожу в бар, там парни молодые рок-н-ролл на контрабасе и трубе лабают… Да еще круто так.

Подхожу к барной стойке, спрашиваю:

– У вас пиво вкусное?

– Вам правду или честно? – отвечает бармен.

– Не понял, а в чем разница?

– В пиве, мужик, в пиве!

Короче, выпил «хорошего» пива, послушал музыку, вызвал такси. Выхожу. Стоят у бара панки, пиво пьют, ржут и трындят всякую фигню. Подходит к ним бомж, дергает за рукав:

– Мужики, дайте денег нерабочему классу!

Те:

– Отстань, чувак.

– Ну, мужики, ну, вы че? Я же такой же, как вы, неприкаянный. Ну дайте денег.

– Да отвали ты, болезный.

– Вы че? Какие же вы панки? Вот и матом разговариваете, как свои, а помочь социально близкому элементу не хотите!

Один панк поворачивается и говорит:

– Я хоть и панк, но питерский. Поэтому, в отличие от тебя, работаю. Причем в библиотеке. А матом ругаюсь только ночью. Поэтому, чувак, иди нах*й!

В этот момент подъезжает белый мерседес (мое такси… каюсь, грешен, люблю бизнес-класс, друзья не дадут соврать), выходит водитель, открывает мне дверь. Вся толпа дружно поворачивается, оглядывает меня с осуждением. Бомж:

– Вот буржуй!

– Не буржуй, а пижон, – возражает ему панк-библиоте-

карь, сплевывает и уходит бухать дальше.

Внутренний голос, спорт и современное искусство

Самый смешной перелом, который только можно придумать, – это сломать палец на ноге из-за стремления к знаниям.

Короче, решил посмотреть в словаре значение термина «контингентность». В новой мастерской почти уже закончили ремонт, даже книги на стеллаже расставил. Давай искать философский словарь. Он оказался почему-то на самом верху.

Внутренний голос говорит:

– Барин, на хрена тебе словарь? Мы же знаем, что контингентность – это случайность. К чему множить сущности? Сидим себе в кресле спокойно, че ты кипишишь?

– Нет, – говорю, – контингентность – это не просто случайность, там другой смысл. Контингентность связана с необходимостью, в отличие от случайности, хитрым способом. Мне надо точно знать. Не мешай.

– Твой «хитрый способ» стоит на самой верхней полке на высоте три с половиной метра. Тебе оно надо? От твоей неуемной активности только одни неприятности, причем на нашу общую голову.

– Надо. И вообще, если бы я тебя слушал, только бы и де-

лал, что сидел в кресле, как Обломов, накапливая «доброту».

Полез все-таки. Нет чтобы сходить за стремянкой, лень пять метров пройти, подставил стул. Вот, думаю, покажу этому нытику, как нужно приводить решения в немедленное исполнение. Ну и ожидаемо навернулся. Ударился ногой о ступеньку подиума и сломал палец. Пока летел, понял, что в принципе и так знаю, что такое контингентность. Это когда то, что произошло, могло произойти и по-иному, но не случайным образом, а по вполне конкретным закономерностям.

Внутренний голос:

– Ну вот, пожалуйста. Яркий пример этой самой контингентности. Причем на практике. Говорил же, одни неприятности от твоей энергии. Поехали в травмпункт, лишенец. Только детали никому там не рассказывай, а то будут ржать и вместо гипса клизму назначат… Для головы… А там я.

* * *

Палец заживал долго. Но все проходит, и он прошел. Можно снова тренироваться, так сказать, ударить спортом по телесной лени.

Пошли мы с женой на йогу. Ну как «пошли»: она ходит, а я за компанию иногда. В этот раз случилась «горячая йога». Это когда несколько странных людей в нагретом и влажном помещении добровольно мучают себя под предводительством мифического существа с глиной вместо костей.

Короче. Сидим, тянем жилы, раскрываем в себе чего-то там (у меня уже кровь из глаз течет и мозг от натуги покраснел), и тут преподаватель говорит:

– Слушайте свой внутренний голос, если он вам говорит, что сегодня больше не нужно, то не сопротивляйтесь.

Посмотрел вокруг, все спокойно продолжают дальше. Ни фига себе, думаю. Видимо, у меня какой-то неправильный внутренний голос, эта падла уже на третьей минуте занятия начала верещать, что «сегодня больше не нужно». Дескать, братан, ты че творишь, валим отсюда… Тут одни «психические»! И не трогай нашу «корягу», она хороша своей природной естественной корявостью! Причем это же мой внутренний голос, он умный, у него аргументов вагон… В ход пошли и Эпикур с Камю, и стоики со схоластами.

Самое удивительное, что, пока мы с этой сволочью, внутренней пятой колонной, увлеченно препирались, прошло уже полчаса. Подходит преподаватель и говорит:

– А вы просто вот сюда вот так сделайте – и все.

Как это, думаю, я вот сюда сделаю? Ладно ты, марсианин, «соседи по камере» тоже, судя по всему, инопланетяне, но я-то человек! А у человеков «вот сюда вот» не делается. Внутренний голос радостно поддерживает, типа «дядя Вова, скрипач не нужен, мочи чатланина». Взял меня преподаватель за руки, чего-то там потянул, и правда, «вот сюда вот» получилось.

Внутренний голос понял, что я досижу до конца, и стал

вместо паники советы советовать: «Ты сюда ногу поставь, так руку подтяни». – «Отстань, – говорю, – если такой умный, сам и делай… Как советовать, так все чатлане, а как работать… И вообще, ты заткнешься уже или нет?!» Тут вон положено отпускать мысли и погружаться в спокойствие, а как я погружусь, если ты пристал как банный лист до пионерки, и зудишь под ухом безостановочно?

И вдруг… Занятие закончилось. Внутренний голос сразу успокоился и замолчал.

Душ, все дела… Выходим на улицу, и тут эта скотина мне и говорит:

– Хозяин, давай покурим, нельзя же благость сразу такими кусками хватать…

Вообще, внутренний голос – интересная штука. Как будто ты не один в самом себе живешь, а с кем-то… Может, даже с целой шайкой советчиков и «доброжелателей».

Какое «я» истинное и кто кому должен два раза ку делать, не всегда понятно, ведь на эти сущности ни желтые, ни малиновые штаны не напялены.

* * *

Прихожу как-то на тренировку. Разминаюсь. Смотрю, на тумбочке в силовой части спортзала лежит томик Чернышевского «Что делать?». Ну, думаю, ни фига себе тут народ,

титаны мысли. Есть у нас там тренер Серега – мастер спорта международного класса, призер, чемпион и все такое, сто тридцать килограммов мышечного великолепия. Вот он, наверное, и заставляет своих птенцов приходить на тренировку не только с энергией тела, но и с энергией разума, дескать, настоящий пауэрлифтинг – это прежде всего мозги.

Подходит мужик (слегка уменьшенная копия Сереги), открывает Чернышевского, а там… не Чернышевский, а просто пустые листы для заметок. Внутренний голос сразу как заорет:

– Я же говорил, все качки тупые! Хозяин, зачем мы сюда ходим? Бросай это гиблое дело. Все тлен, Чернышевский никому не нужен, в современном мире бытие потеряло свой смысл, превратившись в симулякр. А в такой ситуации лучше уж просто бухать, чем изводить себя никому не нужными и бессмысленными потугами телесного.

– Вот ты жук, – говорю. – Тебе лишь бы ничего не делать, из любой мухи сразу «слона аргументации» высосешь, только бы не напрягаться. Не подавись слоном-то.

– Слон, между прочим, животное умное. Он в спортзал не ходит. Жрет и созерцает, созерцает и жрет. Бери пример, человечишка. И, кстати, внутренний голос у слона наверняка большой, упитанный и в почете. Никто его не гнобит и не останавливает по ночам в великом витальном порыве к холодильнику.

– Конечно, если тебе волю дать, я сам бы уже был, как

слон. Короче, сгинь.

Подхожу поближе к качку, спрашиваю:

– Дневник? Тренировки записываешь?

– Ага.

– А зачем ручки две, да еще и разного цвета?

Мужик (в сто килограммов весом) смущенно улыбается и открывает «Чернышевского». В дневнике на левой стороне синей ручкой записаны упражнения и результаты. А на правой – красной ручкой – стихи.

* * *

Мне кажется, мы частенько напяливаем на других удобные ярлыки и на отдельных людей, и на события в целом. Так проще жить. Ну, а куда деваться? Невозможно все время быть осознанным, пытаясь проникать в суть всего встреченного. Качки всегда тупые, молодежь уже не та, а старики ничего не понимают в современной жизни.

Сидел с печалью старый мастер
В обнимку.
Не от страданий и несчастий,
Не от сомнений горестных
и скудных итого.
Картинку он увидел
Всего лишь.
Всего лишь одного

Мальчишки почеркушки.
Как частушки мимоходом
Срываются с губ деревенских
звонким хороводом
Слов смачных,
Так тот малец, не ведая гипсов,
Приемов и ходов удачных,
Бутербродом
Листок тетрадный придавив,
Мотив чернильный запустил,
как камень
В блинчики-прыжки. Кино
Тарковского.
Не зависть, нет,
грудь сдавила старику:
Ведь мастер – Мастер. Свои вершки
Собрал сполна, а корешки
ему отдали сами, придя с поклоном,
грех сетовать.
Но…
Всего лишь жизнь увидел
он в чернильных пятнах,
Молодость всего лишь…

* * *

Еду утром в лифте. Заходит молодой парень, в ушах на-

ушники, шапка на пол-лица, взгляд в пол. Я про себя подумал: эх, молодежь, куда мир-то катится? Ни здрасьте, ни до свидания.

А потом вспомнил одну историю. Ехал я как-то в Нягань на поезде по делам. СВ, фирменный, все чинно-благородно. Улегся, воткнул наушники, поставил перед собой телефон и стал слушать лекцию по философии. Чего время-то терять? Появляется сосед, приличный такой дядька в возрасте, лет шестьдесят – шестьдесят пять. Поздоровались. И я дальше уткнулся в телефон и Хайдеггера.

Сосед устроился и давай пытаться со мной устанавливать полагающиеся по логике железнодорожного бытия социальные контакты. А я, по чесноку, не особо-то приветливый тип в обычной жизни, особенно, когда тут мозг занят идеей конца европейской философии.

Сосед задал один вопрос, второй, что-то там рассказывал, я односложными междометиями отвечал через раз. Наконец он выдохся и обиженно замолчал, буркнув себе под нос, что, дескать, вот она современная молодежь, ни мыслить не умеет, ни полноценно общаться, только и горазды, что свою попсу слушать и в гаджеты разные тыкать. А я, обрадованный самим фактом наступившего коммуникационного безмолвия, с удовольствием погрузился в Хайдеггера и онтологическую проблему зазора между бытием и сущим.

Тут лифт наконец-то доехал до точки отсчета и открыл двери. Парень поднял глаза, улыбнулся и сказал:

– Кстати, здрасьте. Читал ваш вчерашний пост. Это круто.

* * *

Все мы не без греха. Однако, совсем грустно, когда такое механичное оярлычивание превращается в ресентимент.

Ресентимент, ницшеанский термин, – это чувство враждебности к тому, что человек считает причиной своих неудач. Ну или неприязнь к тому, у кого, в отличие от тебя, все получилось. Причем эта неприязнь выливается в особую антагонистичную мораль.

Например, если человека постоянно на работе унижает начальник, то он начинает считать всех начальников козлами, а сам принцип иерархического управления порочным, вместо того чтобы или заняться повышением собственного профессионального уровня, или уволиться, или тупо дать в морду. Или пример с качком: если развит физически, значит, тупой, а я, хоть и с брюхом, зато умен до невозможности, пойду пивка бахну и позлорадствую над отсутствием мозгов у тех, кто гробит свою жизнь в фитнес-залах и на спортплощадках.

Ресентимент возникает на почве подавления (реального или мнимого) силой или знанием. То есть тогда, когда нас заставляют что-то делать / не делать с помощью власти; или тогда, когда мы сталкиваемся с трудным / непонятным, и это подразумевает нашу неполноценность. Адекватная реакция

в первом случае – нарастить свою силу или просто поменять контекст. Во втором случае – разобраться и вынести обоснованное суждение. Неадекватная реакция – ресентимент.

Ресентимент всегда порождает сообщества «униженных и оскорбленных», притягивая их друг к другу, подчиняя единой морали; «упрощает» личность, заменяя идентичность принадлежностью.

Я подумал, что та же история во многом происходит и с современным искусством. Странность и непонятность современного искусства вызывает у большинства людей при встрече с ним именно реакцию ресентимента. Как будто нас собирается кто-то обмануть. А мы вместо того, чтобы попытаться понять, начинаем просто возмущаться. Это чревато тем, что мы попадаем в зависимость от негативных мнений и установок сообщества «униженных и оскорбленных». А это плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.